

Ю К И М И С И М А

ТОКИЙСКИЙ СКРИПАЧ

18+

ТАМ, ГДЕ ГОРОД ЗАМОЛКАЕТ,

Юки Мисима

Токийский скрипач

«Автор»

2026

Мисима Ю.

Токийский скрипач / Ю. Мисима — «Автор», 2026

Токио сверкает: вино, вечеринки у богачей, овации, в которых тонет каждая нота. Для Такуми, первой скрипки Токийского симфонического оркестра, этот блеск давно стал декорацией. Его жизнь — не череда взлётов, а бесконечная канитель из падений, бессонницы и тишины, которая звучит громче любой партитуры. Он разучился мечтать, ему больше не снятся хорошие сны — и в этом сером ритме он почти смирился, что музыка перестала быть домом. А потом в оркестр приходит девушка, чей голос звучит как единственная живая нота в этом идеально фальшивом мире.

© Мисима Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Прелюдии	5
Детские сцены	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Токийский скрипач

Прелюдии

Стоял жаркий июньский день, когда Такуми, которому на днях исполнилось шестнадцать лет, решил свести счёты с жизнью. Безумное отчаяние обрушилось на него в один миг, опустошив всё внутри.

В то время Такуми учился, чтобы стать профессиональным скрипачом, — это было смыслом его жизни в столь молодом возрасте. Для него игра на скрипке и мечта стать скрипачом были скреплены между собой подобно двум декам, скреплённым обечайкой. Будто ещё задолго до своего рождения некая сила предопределила его на этот путь.

А началось всё с матери Такуми. Характер которой напоминал поток огненной лавы, не знающий компромиссов на пути к своим целям. Будучи пианисткой симфонического оркестра, она была одержима идеей сделать из сына виртуозного скрипача. Мать посадила его на домашнее обучение, сковав бесконечными практиками на скрипке и уроками музыки. Всё, чему учился Такуми, — это играть на скрипке с целью постичь совершенство.

Когда Такуми родился, мать, переступив порог дома, сразу наняла человека для ухода за ребёнком и вскоре вернулась в оркестр. Сама она редко подходила к кроватке и никогда не брала сына на руки — лишь иногда коротко спрашивала о его самочувствии, будто справлялась о погоде.

А когда Такуми исполнился год, он начал ползать быстрее, чем учился ходить, и с любопытством тянулся ко всему вокруг. Его глаза светились восторгом, когда он замечал что-то новое: бабочку на стене, солнечный зайчик на полу или яркую игрушку, которую тут же пытался схватить обеими ладошками.

Однажды его оставили во дворе у бассейна. В прозрачной голубой воде покачивался огромный розовый фламинго — такой яркий и манящий, что малыш не мог оторвать от него взгляда. Такуми ухватился за сетку манежа и потянулся к птице маленькими дрожащими

руками, но не смог дотянуться. Разочарование вспыхнуло в его глазах, и он, не зная другого способа, стал раскачивать манеж.

Колёса сорвались со ступенек. Манеж упал в бассейн и остался плавать на поверхности, медленно наполняясь водой через сетчатые стенки. Когда холодная вода коснулась его ножек, Такуми расплакался.

На крик выбежал человек, присматривавший за ним, и вытащил ребёнка из воды. Малыш дрожал всем телом, его крошечные кулачки сжимались и разжимались, будто он всё ещё пытался ухватить тот далёкий розовый фламинго.

В тот же час матери позвонили в оркестр. Вернувшись домой, она заглянула в кроватку и спросила ровным, бесстрастным голосом:

— Он жив?

— Спит.

Она молча вышла из комнаты, даже не задержавшись на секунду дольше.

Через несколько дней мать уволила того человека и наняла другого. Люди в доме менялись постоянно: одни не выдерживали её характера, другие не справлялись с Такуми. Постоянная смена людей сделала Такуми необычайно наблюдательным ребёнком. С каждым новым человеком он всё быстрее учился различать интонации, выражения лиц и настроение по едва заметным мелочам. Он словно тренировался быть незаметным, удобным, чтобы хоть кто-то задержался рядом.

Ничто не оставалось постоянным надолго. Один человек запрещал разговаривать за столом, другой, наоборот, требовал поддерживать беседу. Менялись привычки, правила, даже вечерние ритуалы перед сном. Постепенно Такуми привык не ждать устойчивости ни от вещей, ни от людей.

С возрастом в нём появилась странная сдержанность. Он рос тихим, вежливым и почти никогда не спорил со взрослыми, словно внимательно следил за чужим настроением и старался не доставлять проблем.

Иногда казалось, что детство прошло мимо него незаметно. В его глазах всё чаще мелькала недетская усталость, будто он уже знал, что рассчитывать можно только на себя. Со временем он вовсе перестал показывать лишние эмоции. Где-то глубоко чувства ещё оставались живыми, но он научился прятать их так надёжно, что даже сам иногда сомневался, есть ли они вообще.

Когда в один из июньских дней во дворе дома зацвели красные древовидные пионы, Такуми исполнилось пять лет. Вечером гостиная наполнилась незнакомыми людьми в дорогих костюмах и вечерних платьях. Они улыбались друг другу с той натянутой любезностью, которая напоминала Такуми маски театра Но: красивые, но неживые, застывшие в вечном выражении вежливости.

Мать спустилась со второго этажа в длинном золотом платье. В её движениях была привычная уверенность человека, привыкшего находиться в центре внимания. Впервые за долгое время она держала сына за руку — но её пальцы были холодными и напряжёнными, словно она держала не руку ребёнка, а ручку тяжёлой сумки.

В центре гостиной стояли рояль и маленькая скрипка.

Когда мать села за инструмент и зазвучала мелодия «Happy Birthday», Такуми поднял скрипку к плечу. Перед тем как начать играть, он аккуратно вытащил белый платок из нагрудного кармана и положил его на плечо — совсем как взрослые музыканты, которых он видел на сцене. Этот жест казался ему очень важным: так он становился «настоящим» музыкантом.

Смычок дрогнул в его маленькой руке, и на секунду Такуми испугался, что сейчас всё испортит. Взрослые постепенно затихли, и в этой тишине звук его первых нот прозвучал особенно робко и неуверенно.

Такуми играл вместе с матерью, стараясь не ошибиться ни в одной ноте. Гости переглядывались, перешёптывались и смотрели на ребёнка с возрастающим удивлением. В их взглядах было не столько восхищение, сколько пристальный интерес — словно перед ними находился не мальчик, а редкое явление, требующее объяснения. Кто-то даже достал фотоаппарат, и яркая вспышка на мгновение ослепила Такуми, заставив его вздрогнуть.

Когда музыка закончилась, Такуми опустил скрипку и впервые почувствовал странную тревогу, которая поселилась где-то внутри и не давала дышать полной грудью. Голоса вокруг становились всё громче. Кто-то говорил о таланте, кто-то — о будущем, кто-то уже рассуждал о сцене и больших концертных залах. Но сам Такуми ощущал только нарастающее одиночество, словно его отгородили от всех невидимой стеклянной стеной.

Он ещё не понимал почему, но в тот вечер среди аплодисментов и восторженных улыбок впервые почувствовал нечто пугающее — будто вся его дальнейшая жизнь уже была кем-то решена заранее, а он сам был лишь красивой деталью в чужом замысле.

Тогда же между ним и матерью возникло едва уловимое чувство отчуждения. Он не смог бы объяснить его словами, но интуитивно почувствовал: окружающим нужна не его настоящая личность, а образ, который можно показать миру. И даже мама, державшая его за руку, смотрела на него не как на сына, а как на продолжение своей мечты.

Так началась светская жизнь Такуми. Приёмы, выступления, знакомства с музыкантами, бесконечные разговоры о его будущем постепенно стали привычной частью детства. Люди восхищались им, хвалили его слух, технику и редкую для ребёнка сосредоточенность. А сам Такуми всё сильнее привыкал существовать так, словно постоянно находится на сцене, где нельзя расслабиться ни на секунду.

Музыка постепенно стала для него не только искусством, но и способом выживания.

Мать часто повторяла:

— Если будешь трудиться не покладая смычка, весь мир будет аплодировать тебе не покладая рук.

В детстве эти слова звучали почти ласково, но со временем в них начал слышаться жёсткий ритм метронома, отсчитывающего часы бесконечных занятий.

Сначала занятия казались ему игрой. Ему нравился запах лака, гладкая поверхность дерева и то, как дрожали струны под пальцами. Он мог подолгу проводить смычком по открытым струнам, прислушиваясь к звуку так внимательно, будто внутри инструмента скрывался чей-то голос, который хотел ему что-то сказать.

Но чем старше он становился, тем меньше в музыке оставалось детства. Мать занималась с ним ежедневно, и её взгляд становился всё более требовательным. Ошибки она замечала мгновенно. Иногда достаточно было одного неверного движения кисти, чтобы её лицо становилось холодным и неподвижным, как маска.

— Ещё раз.

Он играл снова.

— Небрежно.

Снова.

— Ты вообще слышишь себя?

Её вопросы звучали не как помощь, а как упрёк, и каждый раз Такуми чувствовал, как внутри него что-то сжимается от страха и напряжения. После репетиций он подолгу сидел один в своей комнате, рассматривая покрасневшие подушечки пальцев. Ему казалось странным, что музыка, которой люди восхищаются со сцены, рождается из такого количества усталости, боли и страха.

Со временем Такуми всё чаще ловил себя на мысли, что больше не любит скрипку так, как прежде. Иногда ему казалось, что любовь к музыке осталась где-то далеко в детстве — рядом с теми днями, когда его завораживал запах лака и дрожание струн под пальцами. Но

даже тогда он продолжал заниматься с прежним упорством. Сначала — ради матери. Потом — из чувства вины перед ней.

К тому времени Такуми уже добился многого. Люди восхищались его игрой, преподаватели говорили о большом будущем, а редкие выступления неизменно заканчивались аплодисментами. Со стороны его жизнь выглядела почти счастливой. Но внутри всё напоминало качели: периоды болезненной опустошённости сменялись короткими вспышками, когда ему снова хотелось жить, играть и растворяться в музыке без остатка. И каждый раз, когда наступала темнота опустошённости, он вспоминал тот день, когда впервые почувствовал себя чужим на собственном празднике, среди красных пионов и чужих улыбок.

Это была прелюдия — та самая короткая часть, которая должна обещать что-то светлое, но у него она звучала как предупреждение.

Детские сцены

В пустом концертном зале симфонического оркестра звучала музыка, исходящая от одной маленькой скрипки, на которой виртуозно играл Такуми. Он стоял с закрытыми глазами в чёрном классическом костюме; из-под лацкана пиджака виднелся белоснежный воротник рубашки. Его плечи прекрасно гармонировали с изящной скрипкой, которую он нежно при-

держивал рукой, упираясь щекой о подбородник. Другой рукой он держал смычок, которым плавно скользил по струнам.

— Ты же трудишься усердно? — спросила строго мать, сидящая на первом ряду, прерывая игру.

Такуми медленно опустил смычок.

— Меня мучает бессонница...

Несколько секунд мать молчала.

— Что же этому причина? — её голос зазвучал твёрдо. Она приподнялась, подошла к краю сцены, разглядывая лицо сына и пытаясь встретиться с ним глазами.

Такуми аккуратно уложил смычок рядом со скрипкой и закрыл футляр.

— Через месяц конкурс в Вене. Я договорюсь, чтобы тебя включили в программу.

Мать взяла в обе руки лицо Такуми, заставляя посмотреть в свои глаза.

— Ты уже всё решила... — отступил он назад.

— А разве я не должна думать о твоём будущем? Ты мой единственный ребёнок! — властно бросила она вдогонку сыну, который почти покинул сцену.

— Ты хоть раз по-настоящему заботилась обо мне? — Такуми ушёл, одёрнув бархатный занавес кулис.

Ночью Такуми почти не спал. Он лежал на кровати поверх одеяла и смотрел в потолок, по которому медленно двигались бледные отблески света с улицы. За окном шёл дождь. Водосточная труба тихо дребезжала от воды, а где-то вдалеке время от времени проезжали машины. Скрипка стояла у стены в раскрытом футляре.

В последние месяцы бессонница стала почти привычной. Такуми засыпал под утро, а просыпался с ощущением, будто вовсе не отдыхал. Иногда ему казалось, что тело продолжает жить отдельно от него — выходит на сцену, играет, кланяется публике, разговаривает с людьми, — пока внутри медленно копится усталость, которую он уже не может объяснить даже самому себе.

Он сел на край кровати и посмотрел на телефон. Несколько сообщений от матери: напоминание о репетиции, информация о конкурсе, фотография какого-то молодого дирижёра, с которым она познакомилась после выступления. Такуми выключил экран.

В детстве ему казалось, что взрослые точно знают, как нужно жить. Теперь он всё чаще замечал в них что-то тревожное: страх старения, постоянную необходимость доказывать собственную значимость, болезненную зависимость от чужого восхищения.

Ростя в обществе матери, которую он не видел месяцами из-за постоянных гастролей оркестра, где она работала, он привыкал к коротким встречам, которые всегда заканчивались упрёками и нотациями. Со временем ему стало трудно понимать, где заканчиваются его собственные желания и начинаются ожидания матери.

С детства мать брала Такуми на светские вечера, где играла на пианино, а маленький скрипач аккомпанировал ей. К двенадцати годам его впервые начали приглашать на серьёзные мероприятия. Якобы благотворительные вечера, где собирались влиятельные господа из всех возможных верхушек, сходки благодетелей — от которых сводило у Такуми желудок.

Такуми ненавидел подобные вечеринки, куда его приглашали сыграть на скрипке. Он ощущал себя в такие моменты театральной куклой, лакомым кусочком для тех, кто готов был заплатить баснословные деньги, лишь бы поймать лучи гениальности юного дарования. Такое признание давалось тяжело: он чувствовал себя опустошённым после каждой подобной игры на скрипке.

Порой Такуми казалось, что тень матери будет преследовать его всю жизнь, волочась за ним и подталкивая на жизненном пути. Иногда он представлял, как однажды просто перестанет играть. Не выйдет на сцену. Не возьмёт скрипку в руки. Исчезнет из всей этой жизни, выстроенной вокруг бесконечных репетиций, конкурсов и чужих надежд.

Под утро бессонница стала невыносимой. Такуми поднялся с кровати, накинул куртку и вышел из дома. Город ещё не проснулся окончательно. После дождя улицы казались почти пустыми. В лужах дрожали огни автоматов с напитками и круглосуточных магазинов. Где-то гудели поезда.

Он шёл без цели, засунув руки в карманы. В такие часы Токио нравился ему больше всего. Город словно терял часть своей шумной маски. Люди исчезали, и вместе с ними исчезала необходимость кем-то быть.

Такуми остановился возле моста над рекой. Вода внизу была тёмной, почти чёрной. Он облокотился на перила и долго смотрел вниз. Мысль о смерти больше не казалась ему чем-то страшным. Скорее — тихой и удивительно простой. Намного проще, чем бесконечно жить в ожиданиях, которым невозможно соответствовать до конца. Телефон в кармане снова завибрировал. Мать. Такуми не ответил. Некоторое время он просто стоял неподвижно, слушая шум воды и редкие звуки проезжающих машин. А потом впервые за долгое время молча заплакал, будто тело само устало удерживать всё внутри. Утром Такуми всё же вернулся домой. Мать уже не спала. Она сидела за кухонным столом с чашкой кофе и просматривала какие-то бумаги, связанные с конкурсом. Услышав, как открылась входная дверь, она подняла глаза, но ничего не спросила — только коротко посмотрела на его мокрую куртку и уставшее лицо.

— Концерт в три часа, — сказала она после паузы. — Не опаздывай.

Такуми молча прошёл мимо. Иногда ему казалось, что между ними давно исчезли любые нормальные отношения матери и сына. Осталась только музыка — как единственный язык, на котором они ещё способны разговаривать друг с другом. Он зашёл в комнату и закрыл дверь. Скрипка всё так же стояла возле стены. Такуми сел рядом с футляром и провёл ладонью по тёмному лакированному дереву. За столько лет инструмент стал почти продолжением его собственного тела. Он знал каждую царапину на корпусе, каждое изменение звука от температуры воздуха и влажности помещения. Иногда ему казалось, что скрипка понимает его лучше, чем любой человек. Он осторожно взял её в руки и привычным движением поднял к плечу. Комната наполнилась тихим звуком. Без сцены, без зрителей, без матери в первом ряду музыка звучала совсем иначе — не идеально, не безупречно, но честно. В такие редкие минуты Такуми вспоминал, почему когда-то вообще полюбил скрипку. Не ради конкурсов. Не ради чужого восхищения. И даже не ради матери. А ради того короткого чувства, которое появлялось внутри во время игры — будто на несколько секунд мир становился тише. Он закрыл глаза. Смычок плавно скользнул по струнам. И именно в этот момент Такуми понял одну пугающую вещь: больше всего на свете он боится не смерти. А того, что однажды музыка перестанет спасать его. Доиграв последние ноты, он лёг спать.

Такуми проснулся раньше будильника. Его тело казалось чужим, будто принадлежало кому-то другому. В висках пульсировала тупая боль — отголосок бесконечных репетиций и недосыпа. За окном уже было солнечно. Но внутри дома чувствовалось напряжение, знакомое ему с детства. Мать не любила опаздывать в такие дни. Даже тишина в доме становилась другой, словно официальной. Рубашка, которую мать выбрала для него, кололась у шеи, напоминая о несвободе. Такуми вошёл в гостиную уже одетым. Мать стояла у рояли, её силуэт казался неестественно прямым, словно выточенным из камня. В её движениях читалась привычная собранность, но сегодня Такуми заметил что-то новое — едва уловимую дрожь в пальцах, когда она листала страницы в телефоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.